

Философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа.

К. Маркс

Часть первая

ЭПОХА, ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ГЕГЕЛЯ

Ранние годы жизни

Немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель родился 27 августа 1770 г. в Штутгарте, столице королевства Вюртемберг. В то время в Штутгарте не было крупной индустрии и вся промышленность состояла из пивоваренных, кожевенных, хлопчато-бумажных и других предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Город украшали несколько старинных готических церквей, два королевских дворца — старый и новый, имелась сословная палата депутатов, библиотека. Через много лет после смерти Гегеля в Штутгарте открылись высшие учебные заведения — политехникум, консерватория, ветеринарная школа, а также музей изобразительных искусств. Штутгарт представлял собой правительственно-административный центр, сосредоточение старовюртембергской бюрократии и чиновничества. К этой привилегированной служилой прослойке принадлежала и семья Гегеля.

Отец его, Георг Людвиг Гегель, служил секретарем казначейства. По своим политическим и религиозным убеждениям он ничем не выделялся среди консервативного вюртембергского чиновничества; умер он в 1799 г., оставив сравнительно небольшое наследство. Мать Гегеля, Мария Магдалина, была доброй и заботливой женщиной; она умерла, когда Гегелю едва исполнилось 13 лет. Светлую память о ней Гегель хранил до конца жизни. Брат философа Людвиг стал впоследствии офицером, а сестра Христина много лет была воспитательницей в богатой дворянской семье.

Гегель получил среднее образование в классической гимназии. Он отличался прилежанием и большими способ-

ностями. Из числа главных предметов — математика, риторика, всеобщая история, латинский, греческий и немецкий языки — Гегель больше всего интересовался всеобщей историей. Для своего выпускного сочинения он избрал весьма оригинальную тему: «Печальное состояние искусств и наук у турок». Это сочинение, исполненное в живом, свободном изложении, получило высокую оценку. После окончания гимназии Гегель был определен в Тюбингенский теологический институт. Здесь у него выявились превосходные наклонности к историческому и философскому мышлению. Правда, в аттестате, полученном Гегелем, было написано, что он «недостаточно интересовался философией», но это, разумеется, не отражало подлинных задатков будущего великого немецкого философа. 27 сентября 1790 г. после окончания двухгодичного философского курса ему было присуждено ученое звание магистра философии. Осенью 1793 г. он успешно сдал выпускной кандидатский экзамен по теологии.

Но Гегель жил не только узко научными интересами. Его глубоко волновали социально-политические события, в особенности широко развернувшаяся политическая и идеологическая борьба во Франции, к которой было приковано внимание современников.

Эта борьба поставила на суд истории все острые социально-политические вопросы эпохи. Французская буржуазная революция 1789—1793 гг. своими практическими делами и злободневными лозунгами стала главным центром притяжения прогрессивных умов того времени. Правда, в экономически отсталой, раздробленной феодальной Германии мощное дыхание Французской революции наталкивалось на серьезные политические и идеологические преграды.

В ту эпоху Германия по экономическому и политическому уровню развития стояла позади Англии и Франции, где, по словам Энгельса, феодализм был совершенно уничтожен или, по меньшей мере, сведен к немногим ничтожным остаткам. В Германии же феодальные отношения еще представляли крупную силу, основу ее общественного строя. Феодальное дворянство сохранило значительную часть своих старинных привилегий. «Система феодального землевладения, — писал Энгельс, — почти повсюду оставалась господствующей. В руках

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ (1770—1831)

землевладельцев сохранялось даже право суда над зависимыми крестьянами. Лишенные своих политических привилегий — права контролировать государей, — они сохранили почти в полной неприкосновенности свою средневековую власть над крестьянами в своих поместьях, равно как и свою свободу от налогов. В одних местностях феодализм был сильнее, чем в других, но нигде, за исключением левого берега Рейна, он не был полностью уничтожен. Это феодальное дворянство, в то время чрезвычайно многочисленное и отчасти очень богатое, официально считалось первым „сословием“ в стране. Оно поставляло высших правительственных чиновников, оно почти одно снабжало офицерским составом армию»¹.

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 8.*

В ходе общественного развития в феодальную систему стали все больше проникать новые, буржуазные отношения. Под влиянием этого прогрессивного процесса в Германии возникло либерально-демократическое движение. Все чаще и чаще стали звучать буржуазно-демократические требования, такие, как требование законодательных палат, суда присяжных заседателей, свободы слова, собраний, печати и т. п. Однако даже самые ограниченные политические требования феодально-дворянская реакция встречала полицейскими преследованиями и гонениями, прибегая к судебным расправам, цензурным рогаткам, церковным проповедям, запугиваниям. Все это вело к дальнейшему углублению социальных противоречий.

Тем временем Французская революция развивалась и вынуждена была использовать самые острые формы политической борьбы. Восторги немецкой буржуазии постепенно сменились смертельным страхом перед ней. Отрекшись от революции и политической деятельности, трусливая немецкая буржуазия встала на путь оправдания феодальных порядков, на путь тесного сближения с дворянством, с королевской короной.

Это вело к тому, что официальная немецкая публицистика, философская и научная мысль неизбежно обрекались на пережевывание собственного скудного национального опыта, на обобщение теологических и других реакционных идей прошлого. Сен-Симон, посетивший Германию вскоре после Амьенского мира, констатировал, что наука в этой стране «находилась еще в состоянии младенчества, так как она была еще построена на мистических началах»².

И все-таки в отсталую феодальную Германию проникали прогрессивные идеи, получавшие своеобразное отражение в публицистической, художественной и философской литературе. Например, идеологической формой прославления французской свободы служили в ту пору абстрактные постулаты практического разума Канта, философские работы Фихте, вдохновенный романтизм Шиллера, восторженные оды Клопштока, в которых выражались прогрессивные социальные умонастроения поэтов и писателей.

² Анри де Сен-Симон. Собр. соч. М., 1923, стр. 353.

Наибольшее влияние Французской революции испытали на себе прирейнские области Германии с городами Шпейер, Вормс, Майнц и др. В Майнце, например, местные демократы создали «Общество друзей равенства и свободы», во главе которого стоял Георг Фостер. Он не только идейно осуждал немецкий феодальный строй, но и на практике методом якобинской диктатуры пытался установить в Майнце революционно-демократические порядки.

Все это оставляло глубокий след в сознании немецкой молодежи. Подавляющее число студентов Тюбингенского института стали тогда горячими поклонниками буржуазной революции. В студенческих кругах легко усваивались буржуазно-демократические веяния того времени. Многие студенты стали членами политического клуба и пропагандировали прогрессивные идеи. Однажды, в погожий воскресный день 1791 г., студенты отправились за город и на лугу около Тюбингена посадили по французскому примеру «дерево свободы». Среди этих молодых энтузиастов были Гегель, Шеллинг, Гельдерлин. Дружба с Шеллингом оказала положительное влияние на духовное развитие Гегеля.

По окончании института Гегель должен был стать пастором. Но карьера пастора не интересовала его. Он хотел преподавать философию. Однако молодой Гегель хорошо понимал, что для этого необходимы более глубокие знания, чем те, которые он получил в Тюбингене. Чтобы основательнее подготовиться к преподавательской деятельности, он решил стать гувернером.

В 1793 г. Гегель поступил домашним учителем в дворянскую немецкую семью Штейгеров, проживавшую в Берне (Швейцария). Трехлетнее пребывание в этом городе явилось для него своеобразной школой. Гегель пристально следил за творчеством Канта, перечитывал его «Критику практического разума», изучал его последние философские сочинения, в частности только что вышедшую работу «Религия в пределах чистого разума». Штудировав ее, Гегель пришел к выводу о необходимости дальнейшей разработки теологических проблем. Внимание его тогда сосредоточилось на ряде философско-религиозных вопросов. На чем должна базироваться вера в бога, в бессмертие? На моральной ли достоверности, на конеч-

ных ли нравственных целях, или, напротив, эти вопросы должны получать свое решение посредством анализа целей природы, или естественной целесообразности? Следует ли различать Христа как богочеловека, как Логос или как известную историческую личность? И каковы вообще действительные, «позитивные» начала христианства?

Гегель решил осмыслить и разработать эти вопросы. Так возникли первые работы философа: «Жизнь Иисуса» (май — июль 1795 г.), «Позитивность христианской религии» (ноябрь 1795 г. — апрель 1796 г.) и др. Все они, и в особенности «Жизнь Иисуса», представляют собой критическую переработку традиционных идей кантианства.

Это были годы, когда Кант уже заканчивал свою деятельность, а Фихте успел зарекомендовать себя в качестве яркого восходящего философского светила. Первые сочинения Фихте: «Критика всякого откровения», «Попытки исправить суждения публики о французской революции», затем его главная работа «О понятии наукоучения, или так называемой философии» и в особенности его вдохновенные лекции — производили большое впечатление на мыслящую молодежь. Фихте был признан молодежью виднейшим философом, «титаном и борцом за человечество».

Шеллинг и Гегель, несмотря на их критические оговорки по частным проблемам, находились под сильным влиянием фихтеанской философии. Шеллинг в ту пору был руководителем в философских занятиях Гегеля. Гегель с большой похвалой отозвался о его первых работах «О возможности формы философии вообще», «О Я как принципе философии, или о безусловном в человеческом знании».

«В той степени, в какой я постиг основную его (сочинения Шеллинга.— А. Д.) идею,— писал он Шеллингу,— я вижу в нем завершение науки, которая даст нам плодотворнейшие результаты; я вижу в нем также работу ума, дружбой с которым я могу гордиться и который внесет крупный вклад в важнейшую революцию в системе идей во всей Германии»³. Особенно яркое впечатление произвела на Гегеля работа Шеллинга «О Я как принципе

³ Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет в двух томах, т. 2. «Мысль», 1971, стр. 223.

И. КАНТ (1724—1804)

философии». «Ты напрасно стал бы ждать моих замечаний по поводу твоей работы,— писал он 30 августа 1795 г. — Здесь я — только ученик»⁴.

Благотворное влияние на Гегеля оказали также эстетические работы Шиллера. Весной 1795 г. он познакомился с письмами «Об эстетическом воспитании людей» и «О наивной и сентиментальной поэзии».

Гегель вел дружескую переписку с поэтом Гельдерлином, которому посвятил нечто вроде гимна под названием «Элевзин — Гельдерлину».

⁴ Там же, стр. 230.

Но было бы неправильно полагать, что формированием своего духовного облика Гегель обязан только Канту, Фихте, Шеллингу, Шиллеру, Гёте и вообще представителям немецкой философии и культуры. Глубокое влияние на Гегеля оказали французские революционные и просветительские идеи. Произведения Вольтера, Монтескье, Руссо и других выдающихся деятелей французского Просвещения помогали ему осмыслить общественные идеалы демократической Франции и наталкивали на сравнение французского республиканского строя с прусской консервативной государственностью. В политическом памфлете «Конституция Германии» восемнадцатилетний Гегель, осуждая прусский государственный режим, писал: «Тот народ счастливее, которому государство дает много свободы». В студенческом альбоме Гегеля мы находим такие восторженные записи: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Жан-Жак!», «Смерть тиранам!» В одном из писем к Шеллингу (16 апреля 1795 г.) Гегель особенно ярко выразил свои политические симпатии к Французской революции:

«Мне кажется, нет лучшего знамения времени, чем то, что человечество изображается как нечто достойное такого уважения. Это залог того, что исчезает ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов. Философы доказывают это достоинство, народы научатся его ощущать и тогда уже не станут **требовать** свое растоптанное в грязь право, а просто возьмут его обратно, присвоят его». И далее Гегель взывал: «Стремитесь к солнцу, друзья, чтобы скорее наступило спасение человеческого рода! Что из того, что нам мешают листья! Или ветви! Пробивайтесь к солнцу...»⁵ А вот еще один отзыв о Французской революции, относящийся к более позднему периоду жизни философа: «Это был величественный восход солнца,— вспоминал Гегель.— Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг властвовал в это время, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые примирение божественного начала с миром»⁶.

Если много лет спустя, на склоне жизни, Гегель мог с таким глубоким восхищением вспоминать о Француз-

⁵ Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет, т. 2, стр. 224.

⁶ Hegel. Philosophie der Geschichte. 1840, S. 535.

ской революции и подчеркивать ее сильные стороны, то легко представить, с каким воодушевлением молодой Гегель в студенческие годы узнавал о таких политических событиях, как штурм Бастилии, низложение монархии, казнь Людовика XVI.

Вполне понятно, что в годы жизни в Берне, которые совпали с массовым демократическим движением в Швейцарии, вызванным революцией во Франции, Гегель не мог оставаться равнодушным к социально-политическим вопросам. Сочинения Гегеля, написанные в этот период, проникнуты острой неприязнью к феодально-абсолютистским порядкам и горячим сочувствием республиканско-буржуазным идеалам. Здесь он закончил одну из своих ранних работ «Народная религия и христианство», в которой доказывал, что современная христианская религия и политика не служат коренным интересам народа, не воспитывают в нем высокие гражданские чувства и добродетели. И противопоставляя корыстному христианскому миру античный, древний мир, Гегель предлагал из духовной сокровищницы его щедро черпать республиканские идеи свободы, равенства и братства, идеи нравственного совершенствования и политического воспитания.

Как видим, в студенческие годы и отчасти в годы гувернерства Гегель перерабатывал и развивал республиканские идеи древнего мира и широко распространившиеся идеи французского Просвещения (в особенности политические взгляды Монтескье и Руссо), под благотворным влиянием которых находились передовые люди эпохи «бури и натиска».

В бернский период Гегель близко познакомился с жизнью швейцарской аристократии, с ее политическими правами и привилегиями и написал критические заметки о финансовом управлении Берна.

В конце 1796 г. Гегель оставил Штейгеров и на короткое время возвратился на родину. В начале 1797 г. он уехал во Франкфурт-на-Майне, где получил место домашнего преподавателя у купца Гогеля. Здесь Гегель сделал первые наброски основных частей своей будущей философской системы, вел оживленную переписку с Шеллингом, Гельдерлином и другими, а также работал над переводом сочинения бывшего ваадского адвоката Жан-Жака Кара, которое вышло в свет в 1798 г. анонимно с разъяснениями и примечаниями Гегеля.

Общественно-политические взгляды Гегеля в этот период получили яркое отражение в его брошюре «О новейших внутренних отношениях Вюртемберга». Гегель протестовал против королевского деспотизма, против произвола высшего чиновничества и должностных лиц, требовал гражданского равенства, веротерпимости, уважения и признания человеческих прав за всеми сословиями вюртембергского королевства. Критикуя консервативное устройство магистрата, Гегель писал, что древняя вюртембергская конституция такова, что в ней «в конце концов все вертится вокруг одного человека, который... соединяет в себе все власти и не дает никакой гарантии своего признания человеческих прав и уважения к ним»⁷.

Отметим, что эти передовые антифеодалные идеи теперь уже переплетались с умеренными конституционно-либеральными требованиями, направленными к мирному преобразованию политического строя Вюртемберга. Впрочем, даже эта умеренно либеральная брошюра не увидела света. Посоветовавшись со своими штутгартскими друзьями, Гегель решил не печатать ее.

Как полагали некоторые историки философии, он не только согласился с консервативными доводами своих друзей, но и сам вскоре лично убедился, что его сочинение не будет содействовать перемене или улучшению политического положения в Вюртемберге. Эти соображения, однако, маловероятны. Здесь имели место более существенные обстоятельства. Дело в том, что под влиянием роста буржуазных отношений в феодальной Германии, с одной стороны, и термидорианской реакции во Франции — с другой, у Гегеля к концу франкфуртского периода жизни явно обозначился поворот от республиканско-демократических идей к либерально-буржуазному консерватизму.

Из письма Шеллингу от 2 ноября 1800 г. видно, что Гегель твердо решил оставить работу домашнего преподавателя, чтобы основательно подготовиться к университетской педагогической деятельности. Видно также, что, прежде чем приступить к ней, он решил ближе познакомиться с католической религией и систематизировать и углубить свои познания в философии и теологии.

⁷ Куно Фишер. История новой философии, т. VIII, полутом 1. СПб., 1902, стр. 59.

«Думаю, дорогой Шеллинг, что наша разобщенность в течение нескольких лет,— писал он,— не может служить препятствием к тому, чтобы просить тебя о любезности в связи с одним моим частным пожеланием. Моя просьба касается нескольких адресов в Бамберге, где я намерен провести некоторое время. Так как я наконец вижу, что в состоянии изменить свое прежнее положение, то я решил некоторое время быть в независимом положении, с тем чтобы посвятить его некоторым уже начатым работам и исследованиям. Прежде чем я решусь погрузиться в литературную суету Иены, я хочу укрепить себя, пожив в третьем месте... Точно так же мне бы очень хотелось, чтобы ты помог мне установить некоторые литературные связи... Мне необходимо иметь недорогие продукты питания, хорошее пиво, которое мне нужно по соображениям здоровья, и немногие связи. В остальном же я бы предпочел католический город протестантскому; хотел бы каждую религию увидеть вблизи...

Твои большие публичные успехи я наблюдаю с восхищением и радостью... Что касается меня, то я питаю к тебе так много доверия, что, надеюсь, ты признаешь мое бескорыстное стремление — если бы даже его сфера была низкой — и найдешь в нем какой-то смысл»⁸.

В просьбе Гегеля Шеллинг принял участие, но в силу каких-то случайных обстоятельств поездка в «католический» Бамберг не состоялась. И Гегель, с одобрения и при поддержке Шеллинга, переехал в январе 1801 г. в Иену.

Начало преподавательской и литературной деятельности

Начало преподавательской и литературной деятельности Гегеля совпало с периодом широкой известности Шеллинга. Работая в Иене в качестве экстраординарного профессора философии, Шеллинг написал ряд крупных сочинений и достиг вершины в своем философском развитии. Наиболее значительными произведениями, относящимися к данному периоду, были: «О мировой душе» (1798), «Первый набросок системы философии природы» (1799), «Система трансцендентального идеализма» (1800), «Изложение моей системы» (1801).

⁸ Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет, т. 2, стр. 236—238.

И. ФИХТЕ (1762—1814)

Переступив порог Иенского университета, Гегель с жаром принялся за работу. Первым шагом была защита диссертации «Об орбитах планет».

После защиты диссертации перед Гегелем открылся путь к научной, педагогической и литературной деятельности. Вместе с Шеллингом он стал издавать «Критический журнал философии» и читать лекции в Иенском университете.

Когда Карл Рейнгольд, известный популяризатор философии Канта, попытался оспорить оригинальность и новизну философии Шеллинга, по существу не заметив в ней отличий от системы Фихте, Гегель выступил с сочинением «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга» (1801), где доказал, что, хотя Фихте и основал философию тождества и установил ее принцип, ему все же не удалось развить этот принцип до конца. Эту

задачу, по мнению Гегеля, решил Шеллинг, и поэтому только он с полным правом может быть назван настоящим представителем системы абсолютного тождества. Гегель писал, что Рейнгольд «упустил из виду ту сторону системы Фихте, которая дает ей характер настоящего умознания и, следовательно, философии, а также ту сторону системы Шеллинга, которой она отличается от философии Фихте, противопоставляет в философии природы субъективному субъект-объекту объективный субъект-объект и представляет их соединенными в чем-то высшем, чем субъект»⁹.

Гегель справедливо упрекал Рейнгольда. Действительно, центр мировоззрения Фихте — субъект, человек как активное, творческое начало. В этом смысле Гегель и говорит о фихтеанском субъект-объекте. Центр мировоззрения Шеллинга — объективный дух, природа как процесс, как творческое начало. В этом смысле Шеллинг противопоставляет Фихте свой объективный субъект-объект. Именно это различие между системами Фихте и Шеллинга упускал из виду Рейнгольд. Короче говоря, Гегель утверждал, что философия Шеллинга, в отличие от субъективного идеализма Фихте, представляет собой самостоятельное направление — объективный идеализм. Сочинение Гегеля не только явилось первым серьезным критическим исследованием различия между философскими системами Фихте и Шеллинга, оно отразило также стремление Гегеля выработать собственные философские взгляды.

Иенский период жизни Гегеля наложил отпечаток на всю его последующую философскую деятельность. Здесь он впервые зарекомендовал себя в качестве глубокого, оригинального мыслителя. В Иене он разработал и написал свое основное сочинение — «Феноменологию духа».

В «Феноменологии духа», законченной в октябре 1806 г. и напечатанной в 1807 г., Гегель выяснил и противопоставил Шеллингу собственный оригинальный взгляд на философию. Если Шеллинг рассматривал философию как философию чувства, назидания, вдохновения, как путь к знанию, то Гегель обосновал новый взгляд: философия должна стать наукой, системой действительных знаний.

⁹ *Hegel. Differenz des fichteschen und schellingschen Systems der Philosophie* («Различие между системами философии Фихте и Шеллинга»). Bd. I. 1832, S. 164.

«Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки, — писал Гегель, — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием»¹⁰. Если Шеллинг полагал, что абсолютное единое начало, в котором совпадают «я» и «не-я», познается человеком непосредственно, так же, как мы чувствуем красоту или биение собственного сердца, то Гегель отрицал подобное познание и считал необходимым начинать не сразу, «как бы выстрелом из пистолета», с абсолютного знания, а показать логический путь развития познания, ведущий постепенно к полному, абсолютному знанию.

В «Феноменологии духа» Гегель проанализировал развитие человеческого сознания от низшей ступени — непосредственного чувственного восприятия — до высшей — полного, абсолютного знания.

Сознание в своем развитии проходит, по Гегелю, три главные ступени: предметное сознание, или чувственная достоверность; самосознание, где предмет и сознание или предмет и понятие целиком совпадают, т. е. самосознание выступает как тождество субъекта и объекта; абсолютное, полное знание, где разум рассматривается как источник всякой достоверности и истины. Необходимо заметить, что, по Гегелю, все ступени сознания взаимосвязаны или взаимообусловлены. Следовательно, переход от низшей ступени сознания к высшей (т. е. от предметного сознания к абсолютному знанию) осуществляется в порядке отрицания отрицания, т. е. в поступательном, диалектическом развитии.

Но прежде чем сознание возвысилось до разума, ему пришлось согласно исторической концепции Гегеля начать свой путь с рабского сознания, характерного главным образом для античного, древнего мира. В ходе развития рабское сознание выкристаллизовывалось в три феноменологических образа: стоицизм, скептицизм и несчастное сознание, причем последнее представляло собой непосредственную ступень, ведущую к высшему образу общественного сознания — к разуму. Гегель рассматривает и другие феноменологические образы, возникшие в ходе развития истории: благородное сознание — сознание дворян; низкое сознание — сознание тех, кто нена-

¹⁰ Гегель. Соч., т. IV, стр. 3.

видит господ; разорванное сознание, или сознание, отвергающее все моральные устои феодального общества; честное сознание, т. е. сознание, рассматривающее моральные принципы как нечто устойчивое, раз навсегда данное; просвещение, или сознание, породившее социальный и духовный кризис в предреволюционной Франции.

Резюмируя рациональное содержание «Феноменологии духа», Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» подчеркивал, что именно здесь Гегель вскрыл и показал, правда, в мистической форме, действительные ступени, или этапы, пройденные человеческим сознанием. По словам Энгельса, феноменологию духа можно было бы назвать «параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, отображением индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием»¹¹.

В параграфе «Господин и раб» этого сочинения Гегель в сугубо абстрактной форме высказал прогрессивный взгляд на роль труда, и в частности рабского труда, в истории развития сознания человека. Вместе с тем он показал, что самостоятельное бытие господина и его неограниченная власть подобно цепи держали раба в угнетении и обрекали его на тяжкий труд. Но этот труд вносил и нечто положительное в бытие раба, он позволил ему держать в зависимости от себя господина. Больше того, в ходе борьбы раба с господским сознанием труд возвысил его не только в собственных глазах, но и в глазах древнего, античного общества.

Короче говоря, раб как бы стал господином, т. е. приобрел «свою самостоятельность в вещественности», а господин стал рабом в силу своего безделья и зависимости от рабского труда. По Гегелю, следовательно, рабский труд привел к существенным переменам в сознании раба и отчасти в сознании господина. «...Подобно тому, — писал Гегель, — как господство показало, что его сущность есть обратное тому, чем оно хочет быть, так, пожалуй, и рабство в своем осуществлении становится скорее противоположностью тому, что оно есть непосредственно»¹².

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 278.

¹² Гегель. Соч., т. IV, стр. 104.

Правда, отсюда не следовало, что существо тех или иных перемен во взаимоотношениях между рабом и господином состояло лишь в том, что в процессе формирования человеческого сознания в рабовладельческом обществе приобретало все большее значение господское сознание. Напротив, эволюция господского сознания доказала, что влияние господина все более утрачивало свое прежнее значение и превращалось в тормоз на путях общественного прогресса. М. Ф. Овсянников в книге «Философия Гегеля», характеризуя социальную направленность установившихся взаимоотношений между рабом и господином, справедливо писал: «Диалектика отношения господина и раба сводится к тому, что господин, имеющий власть, превращается в ничто, между тем как ничтожный раб превращается в действительную историческую силу... Развитие самосознания человека начинается, по Гегелю, с рабского сознания. Цель этого развития в приобретении самосознанием свободы»¹³.

Но достижение этой великой цели в обществе, основанном на господстве и рабстве, по мнению Гегеля, состояло в «двойном действовании», т. е. во взаимной борьбе рабского и господского самосознаний. Первое боролось за уничтожение рабства, за материальную и духовную свободу; второе — за подневольный рабский труд, за «свое самостоятельное бытие». «Отношение обоих самосознаний,— писал Гегель,— следовательно, определено таким образом, что они *подтверждают* самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть»¹⁴.

Противоречивость характера общественного развития Гегель раскрывал и в произведениях, предшествовавших «Феноменологии духа», например в «Системе нравственности» и в «Реальной философии», причем здесь он критиковал применение в капиталистическом обществе машин, разделение труда, уродующее человека, и некоторые другие пороки буржуазного строя. И все же это не помешало ему признавать буржуазное производство прогрессивной ступенью экономического развития. В этот период Гегель проявлял значительный интерес к теоретическим обобщениям и выводам классиков английской буржуазной политической экономии.

¹³ М. Ф. Овсянников. Философия Гегеля. М., Соцэкгиз, 1959, стр. 60—63.

¹⁴ Гегель. Соч., т. IV, стр. 101.

В глазах Маркса и Энгельса «Феноменология духа» была не только важнейшей вехой философской эволюции Гегеля, но и историей становления человека как активного общественного существа.

«Величие гегелевской „Феноменологии“, — писал Маркс, — и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, ...действительного человека как результат его *собственного труда*»¹⁵.

По мысли Гегеля, человек своим возвышением над животным царством обязан прежде всего самому себе, своему собственному труду. Высоко ценя гегелевское понимание роли труда как процесса самопорождения человека (или самосознания), Маркс в то же время показывает, что процесс взаимодействия предмета и сознания, природы и человека рассматривается Гегелем как процесс «опредмечивания» и «распредмечивания», причем суть этого процесса состоит в том, что человек, с одной стороны, превращает свои духовные способности в предметы, а с другой стороны, он познает результаты своей деятельности. Слова Маркса о том, что «Гегель ухватывает сущность труда», отнюдь не дают права отождествлять марксистское и гегелевское понимание труда. По Гегелю, материально-производственная деятельность есть лишь специфическая форма духовной деятельности вообще. Маркс говорит: «Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*»¹⁶.

Отметим, что Г. Лукач, венгерский философ и литературный критик, в монографии «Молодой Гегель» допустил в данном вопросе некоторую, на наш взгляд, неточность. У него получилось, что гегелевская концепция труда совпадает с марксистским его пониманием. Между тем труд, по Гегелю, не является источником, или первопричиной,

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 627.

¹⁶ Там же.

сознания, ибо сознание, как он утверждает, не есть «простой результат природы», оно есть «непосредственное бытие духа». Дух как субстанция в гегелевском понимании становится предметом сознания, самосознания, разума в силу присущего ему саморазвития.

В «Феноменологии духа» Гегель сделал значительный шаг в разработке идеалистической диалектики. Такие категории, как, например, истинное и ложное, всеобщее и индивидуальное, цель и результат, добро и зло, отчуждение и снятие отчуждения и другие рассматриваются им не обособленно, а в диалектическом соотношении, в движении и развитии. «*Истинное и ложное*, — писал Гегель, — относятся к тем определенным мыслям, которые неизменно считаются самостоятельными (*eigene*) сущностями, из коих одна изолировано и прочно стоит по одну сторону, а другая — по другую, не имея ничего общего между собой. Вопреки этому следует указать, что истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде (*gegeben werden*) и в таком же виде спрятана в карман... Точно так же и ложное составляет момент истины уже не в качестве ложного»¹⁷. С этой же диалектической точки зрения Гегель рассуждал и о добре и зле: «Если зло есть *то же*, что добро, то именно зло не есть зло, а добро не есть добро, а и то и другое»¹⁸.

В разделе «Абсолютная свобода и ужас» Гегель, обобщая практические результаты французского Просвещения, приходит к консервативному выводу, полагая, что именно оно породило глубокий духовный кризис. Всеобщая свобода и абстрактное абсолютное равенство, ставшие главными принципами Французской революции, по его мнению, не принесли ничего положительного индивиду как личности, как единичному самосознанию. «Единичное самосознание не находит себя ни в этом *всеобщем произведении* абсолютной свободы как налично сущей субстанции, — писал Гегель, — ни точно так же в *действиях* в собственном смысле и *индивидуальных* поступках ее воли. Для того чтобы всеобщее могло осуществляться в некотором действии, оно должно сосредоточиться в „одно“ индивидуальности и поставить во главе единичное са-

¹⁷ Гегель. Соч., т. IV, стр. 20—21.

¹⁸ Там же, стр. 415.

мосознание, ибо всеобщая воля есть *действительная* воля только в некоторой самости, которая есть „одно“... Таким образом, никакого положительного произведения или действия всеобщая свобода создать не может; ей остается только *негативное действие*; она есть лишь *фурия исчезновения*»¹⁹.

Правительство, которое провозглашает, что оно есть осуществление всеобщей воли или всеобщей свободы, в действительности, по мнению Гегеля, «не может проявить себя иначе, как в виде некоторой *партии* (Faktion)»²⁰, при этом оно устанавливает такой порядок, с которым только под страхом смерти или ужаса мирится индивидуальное сознание.

Это резко выраженное негативное отношение к отдельным актам и уравнивательным тенденциям режима якобинской диктатуры не было, однако, у Гегеля голым, формальным отрицанием всего исторического опыта Французской революции. Он рассматривал эту революцию, в том числе и режим якобинской диктатуры, как нечто вполне закономерное, исторически неизбежное.

«Феноменология духа», как и все другие работы философа, насквозь пропитаны идеализмом. Гегель пытался здесь научно оправдать взгляд на действительность, на мир, как на тождество мышления и бытия, субъекта и объекта, стремился возвести субъект в ранг или степень объекта и тем самым преодолеть разрыв между ними. Именно это мысленное, теоретическое преодоление субъекта и объекта Гегель выдавал за действительное, реальное преодоление.

«Вся „Феноменология“, — писал Маркс, — имеет своей целью доказать, что *самосознание* есть *единственная и всеобъемлющая реальность*»²¹.

Развитые Гегелем в «Феноменологии духа» новые идеи о философии как системе научных знаний, иные по своей форме доказательства тождества материального и идеального, исходившие не из чувства, веры, интуиции, как у Шеллинга, а из знания, из «науки», и другие оригинальные построения свидетельствовали о различии взгля-

¹⁹ Там же, стр. 317.

²⁰ Там же, стр. 318.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 210.

дов Гегеля и Шеллинга по многим частным и общим вопросам. Все это не могло не беспокоить Шеллинга, привыкшего видеть в Гегеле своего верного последователя и приверженца. Судя по его письму к Гегелю от 11 января 1807 г., Шеллинг с нетерпением ожидал «Феноменологию духа», торопил своего друга, желая увидеть это сочинение в готовом виде. Но когда он получил книгу вместе с письмом от 1 мая 1807 г. и нашел в ней нечто противоречащее его собственным взглядам — дружеские отношения между ними нарушились. Только спустя полгода после получения «Феноменологии духа» Шеллинг ответил Гегелю.

Биографы и историки философии отмечают, что бывшие друзья позже виделись всего два раза: в октябре 1812 г. в Нюрнберге и затем в сентябре 1829 г. в Карлсбаде.

В Иене Гегель был свидетелем крупных политических событий. В то время феодально-монархические государства Германии в борьбе с буржуазной Францией выявили свое полное бессилие. Историческими фактами, отражавшими военные неудачи и тяжелые испытания Германии, были Люневильский мир (1801), согласно которому ряд земель по левому берегу Рейна отошел к Франции, образование Рейнского союза из 16 мелких германских государств под протекторатом Франции, а также окончательный распад Священной Римской империи германской нации (6 июня 1806 г.), просуществовавшей целое тысячелетие. Осенью 1806 г. последовали новые военные неудачи: 14 октября при Иене и Ауэрштедте прусские войска были разбиты, а 27 октября французы, не встретив сопротивления, вступили в Берлин. Таким образом, Пруссия, ставшая объектом сложной дипломатической игры, за короткое время, после безуспешных оборонительных сражений, была раздавлена военной машиной Наполеона.

Эти исторические события оставили глубокий след в сознании философа. В особенности памятной для него была битва под Иеной; Гегель заканчивал тогда свою «Феноменологию духа».

Гегель рассказывал, какое сильное впечатление произвел на него въезд Наполеона в город. «Я видел императора, эту мировую душу, в то время, когда он проезжал по городу с целью рекогносцировки; в самом деле, ис-

Ф. ШЕЛЛИНГ (1775—1854)

пытываешь удивительное чувство, когда видишь такое существо, сконцентрированное здесь в одном пункте, сидящее на лошади и в то же время повелевающее миром»²².

Осмысливая политические события, происходившие приблизительно между 1803 и 1804 гг., Гегель написал критическое исследование о Германской империи. Он осудил государственную раздробленность (внутри Германии в ту пору насчитывалось 38 государств) и высказался за создание энергичной централизованной власти, за концентрацию материальных и военных ресурсов, видя в этом необходимое условие возрождения Германской империи. «Германская империя,— писал Гегель,— есть беспо-

²² Briefe von und an Hegel (Письма Гегеля и к нему), I. S. 71.

мощное тело, в котором ни одно движение не происходит так, как оно должно происходить по законам. Политическое состояние Германии есть узаконенное беззаконие, так что французский писатель метко выразился о Германской империи, говоря, что это — „конституционная анархия“... Германская империя, — заявлял далее Гегель, — *теоретическое* государство»²³. Гегель справедливо осудил политическую и экономическую раздробленность Германии, видя в ней главную причину поражений в войне с буржуазной Францией.

Это исследование не было напечатано, очевидно, по тем же мотивам, по которым не была напечатана и более ранняя политическая брошюра «О новейших внутренних отношениях Вюртемберга». Правда, обстановка того времени исключала возможность образования какого бы то ни было прочного политического объединения германских государств. Более того, когда Наполеон вторгся в пределы германской империи и одержал ряд крупных побед, среднегерманские и некоторые другие мелкие немецкие государства, трепеща и пресмыкаясь перед иноземным завоевателем, отложились от империи и вошли в состав Рейнского союза. В таких условиях пропаганда идеи политического объединения Германии, борьбы за создание единой централизованной власти стала чрезвычайно рискованной. Правительства таких немецких государств, как Бавария, Вюртемберг, Ганновер, открыто противились установлению единой централизованной власти.

В течение шести лет, прожитых в Иене (с января 1801 г. по март 1807 г.), Гегель достиг крупных успехов в философской и преподавательской деятельности. Он получил кафедру философии, на которой до него преподавали Фихте и Шеллинг, а после ухода Шеллинга стал экстраординарным профессором. В Иенском университете Гегель разработал и успешно преподавал курс логики, истории философии, философии природы, математики и другие предметы.

Будучи занят большой преподавательской и литературной работой, Гегель находил время и для дружеского общения с интересовавшими его людьми. Иенский период жизни философа отмечен не только разладом с Шеллингом, но и началом новых знакомств — с поэтом Кнебе-

²³ *Karl Rosenkranz. G. W. F. Hegel's Leben. Berlin, 1844, S. 236—242.*

лем, переводчиком Лукреция и других древнеримских писателей и философов, известным немецким физиком Зеебеком, теологом Нитхаммером, ставшим ближайшим другом Гегеля, иенским книгопродавцом Фромманном и др. К этому периоду относится и начало знакомства с Гёте. Из дневника Гёте видно, что он часто встречался с Гегелем, обсуждал с ним всевозможные естественнонаучные, философские и литературные вопросы. После того как Гёте прожил два месяца в Иене (ноябрь и декабрь 1803 г.), куда приезжал, чтобы сгруппировать вокруг «Литературной газеты» («Litteraturische Zeitung») молодых доцентов Иенского университета, он стал еще больше интересоваться, литературной и философской деятельностью Гегеля. А когда после битвы под Иеной Гегель оказался в тяжелых условиях, Гёте через Кнебеля оказывал ему и материальную помощь.

В обстановке войны Иенский университет быстро пришел в упадок, резко сократилось число студентов, профессоров и преподавателей. Небольшие денежные сбережения, которыми располагал Гегель, были истрачены. Он стал думать о перемене места работы. Но ни в Гейдельберге, ни в Вюрцбурге не нашлось вакантного места. Тогда он принял предложение Нитхаммера, который нашел ему работу редактора в «Бамбергской газете» («Bamberger Zeitung»).

«Бамбергская газета» и нюрнбергский период жизни

Гегель приехал в Бамберг в марте 1807 г. Это было время, когда баварское королевство, поднав под власть Наполеона, искало путей и средств к лояльному с ним военно-политическому и гражданскому сотрудничеству. Разумеется, этой цели должна была служить и «Бамбергская газета». Став ее редактором, Гегель, естественно, способствовал проведению в жизнь этого внешнеполитического курса.

На восьми полосах «Бамбергской газеты» из номера в номер печатались обзоры о блестящих победах французской армии, восторженные рассказы очевидцев о празднествах, устраиваемых в честь Наполеона; сообщения об Эрфуртском конгрессе государей; о назначении Наполеоном своего брата Иосифа королем Испании; о низло-

жении браганской династии в Португалии, бежавшей от преследований Наполеона в Бразилию; об английской экспедиции в Копенгаген; о спорах из-за трона в Испании между отцом — Карлом IV и сыном — Фердинандом VII; печатались сообщения о парижской театральной жизни. «Редактора газеты,— писал известный историк философии, биограф Гегеля Куно Фишер,— нельзя серьезно упрекать в том, что он, живя в Бамберге, среди только что созданного Наполеоном королевства... не громил в патриотических речах владычества чужеземцев. Ни время, ни газета, ни редактор не подходили для этой цели»²⁴.

Однако эта «миролюбивая» внешнеполитическая позиция Гегеля в действительности была прогрессивной. Будучи поклонником Французской буржуазной революции, Гегель видел в победах французской армии могучий таран для ниспровержения в Германии отсталых феодальных порядков. Он сознательно превозносил Наполеона и как гениального полководца, и как социального реформатора — «великого парижского учителя государственного права».

Правда, все это не мешало Гегелю смотреть на редакторскую работу как на нечто случайное. Он хорошо понимал, что работа в газете, при всей ее материальной выгодности, может серьезно помешать его академической и философской деятельности.

И действительно, не прошло и четырех месяцев, как Гегель начал тяготиться газетой и в своих письмах к Нитхаммеру просил подыскать другую работу, более соответствующую его духовным интересам. Когда же Гегелю пришлось серьезно столкнуться со строгим надзором баварской цензуры, просьбы его приняли еще более настойчивый характер.

Суть этого столкновения такова. 13 августа 1808 г. Гегель поместил в газете статью о строевых упражнениях баварской армии. Желая придать статье более официальный характер, он включил в нее выдержки из королевского декрета, имевшего совершенно секретный характер. Как попала в руки Гегеля копия этого документа — неизвестно. Баварское министерство, расценивая опубликованные выдержки из декрета как разглашение военной

²⁴ Куно Фишер. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Полутом 1. СПб., 1902, стр. 79.

тайны, объявило о закрытии «Бамбергской газеты» и потребовало от редактора указать имя военного, передавшего газете копию документа.

Создалось чрезвычайно затруднительное положение. Гегель с большим волнением писал Нитхаммеру: «Так как в таких случаях необходима быстрая помощь, то я не нахожу иного средства, как ехать в Мюнхен и лично молить о прощении...» Неприятный конфликт был улажен. Но Гегель на собственном опыте остро почувствовал и строгость королевской цензуры, и всю неприглядность своей работы в провинциальной «газете-галере», «газете-ярме». Правда, еще до конфликта Гегель писал Нитхаммеру, руководившему в то время учебными и воспитательными учреждениями Баварии, что газету он отнюдь не считает «сильным предприятием» и что в данное время все его помыслы сосредоточены на университетской педагогической работе. «Пребывание в провинциальном городе,— писал Гегель,— всегда можно рассматривать как ссылку в изгнание, даже если сам человек устроил себе эту ссылку. Только университет, делающий себя высшим центром деятельности и интересов, может соперничать со столицей и сам быть столицей»²⁵.

Просьба Гегеля была принята во внимание. 26 октября 1808 г. Нитхаммер сообщил ему, что состоялось решение о назначении Гегеля директором нюрнбергской классической гимназии. «Я должен сообщить вам,— писал он,— что вы назначены преподавателем философских пропедевтических наук и что желательно, чтобы вы уже в начале или самое позднее в середине следующей недели прибыли в Нюрнберг, где ваше присутствие будет настоятельно необходимо»²⁶. Гегель с радостью принял это предложение.

В декабре 1808 г. Гегель приехал в Нюрнберг и занял пост директора гимназии. По отзывам сослуживцев, он глубоко вникал во все детали педагогической и административной работы: заботился о подборе учителей и приобретении учебных пособий, составлял ежегодные отчеты о ходе учебной и воспитательной работы, произносил в конце школьного учебного года традиционные директорские речи, занимался хозяйственными делами.

²⁵ Briefe von und an Hegel, I, S. 169.

²⁶ Там же, S. 191.

В то же время Гегель отдавал много сил педагогической работе. Он давал уроки в трех классах гимназии по 12 часов в неделю: в низшем классе читал теологию, в среднем — философские пропедевтические курсы, в высшем — преподавал энциклопедию философских наук, имевшую в то время хождение в виде тетрадок и черновых записей. Из философских наук на первом плане были трансцендентальная логика и психология. Особый интерес представляет выработанная Гегелем система преподавания психологии и логики. Так, в одном из годовых директорских отчетов Гегель сообщал, что он «начал с учения о сознании и его видах, затем перешел к категориям, а потом к относящимся к ним антиномиям и их диалектике». В свободное от служебных дел время Гегель разрабатывал некоторые отделы физики, химии и естественной истории, т. е. географии.

Из материалов, относящихся к данному периоду, видно также, что Гегель проявлял большой интерес к народному эпосу, к произведениям древних поэтов и классиков литературы вообще. Он даже считал, что главная задача гуманитарной школы должна состоять в пропаганде культурного наследия древних греков и римлян. «Как Антей обновлял свои силы соприкосновением с матерью-землей,— говорил Гегель в одной из своих речей,— точно так же и всякий новый расцвет и возрастание науки и просвещения возникают путем обращения к древности... Я думаю, я не впаду в преувеличение, если скажу, что человек, не знающий творений древних, прожил, не зная красоты»²⁷. Поэт романтической школы Клеменс Брентано, побывавший на занятиях Гегеля в начале 1810 г., так отразил его интерес к творениям древних и народному эпосу в особенности. «В Нюрнберге я застал почтенного, неповоротливого Гегеля ректором гимназии,— писал он Герресу, издателю журнала „Рейнский Вестник“ („Rheinische Merkur“),— он читал героический эпос и Нибелунгов и, чтобы насладиться ими, переводил их себе на греческий».

В годы работы в гимназии Гегель продолжал творческую разработку основных частей своей философской системы. В Нюрнберге он написал гениальный труд «Наука логики», состоящий из трех книг: первая — учение о

²⁷ *Hegel. Vermischte Schriften, I. 1834, S. 159.*

бытии — вышла в свет в марте 1812 г., вторая — учение о сущности — в 1813 г. и третья — учение о понятии — в 1816 г., т. е. в конце нюрнбергского периода жизни. Кроме того, Гегель вчерне создал здесь «Энциклопедию философских наук» и общедоступную «Философскую пропедевтику».

Среди классических произведений философской мысли «Наука логики» занимает видное место. Это произведение возникло в результате многолетнего изучения различных сочинений по логике и специальным научно-теоретическим дисциплинам. Оно непосредственно примыкает к «Феноменологии духа»; можно даже сказать, что основной вывод этой работы послужил отправным пунктом для «Науки логики».

Осуждая все прошлые опыты, связанные с разработкой традиционной, формальной логики, Гегель в «Науке логики» впервые систематически изложил новую, диалектическую логику. Следует подчеркнуть, что такие отделы объективной логики, как учение о бытии и учение о сущности, ранее совершенно не были исследованы. Гегелю, как он справедливо отмечал, пришлось в данном случае воздвигать «в пустыне новый город». Правда, нельзя сказать это о третьем отделе «Науки логики» — учении о понятии. Здесь в распоряжении Гегеля было множество книг, в том числе классический опыт Аристотеля и Канта, оставивших глубокий след в истории философской мысли.

Несмотря на исключительное значение этого труда для развития философской мысли, в нем, как и в других произведениях Гегеля, обнаруживается глубокое противоречие между прогрессивным диалектическим методом и метафизической системой.

В «Науке логики» Гегель стоит на той точке зрения, что логика как наука не должна иметь дело ни с предметным, материальным миром, ни с эмпирическим, опытным мышлением, ни с романтическим иррационализмом, представителями которого были его современники — Якоби, Шлейермахер, Шеллинг и др. Главным и единственным предметом логики, по мнению Гегеля, должно быть абстрактное, безличное, чистое мышление, ибо оно свободно от природной стихии, от всего преходящего, конечного. В этом труде Гегель дал такое развернутое определение логики: «Логика... следует понимать как систему

чистого разума, как царство чистой мысли. *Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой.* Можно поэтому выразиться так: это содержание есть изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа»²⁸.

Отсюда ясно, что Гегель исходил из правомерности тесного, нерасторжимого союза логики и теологии, ибо обе они, по его мнению, имеют один и тот же предмет исследования, или «изображения». Бог и абсолютная идея, бог и истина в себе и для себя самой, по Гегелю, — тождественные понятия. Логика и теология идут разными путями, но к одной и той же цели — к постижению бога, к познанию его «вечной сущности». Логика осуществляет это системой чистого разума или понятиями; теология рефлектирующим рассудком или представлениями и чувствами. Отсюда, по Гегелю, обе дисциплины одинаково правомерны и необходимы.

Гегель считал, что теология еще не разрешила своей главной задачи, что она еще не стала «истинной теологией», т. е. наукой. Характерный недостаток теологии, по его мнению, состоит в том, что она дает нам лишь внешнее перечисление или собрание религиозных учений. Между тем для того, чтобы теология стала наукой, она должна перейти «к постигающему в понятиях мышлению», т. е. ее собственной задачей должно стать истинное, разумное познание сущности бога. «Истинная теология, ... — писал Гегель, — есть по существу своему вместе с тем и философия религии»²⁹. Таким образом, Гегель высказался за поднятие теологии на новую ступень, — ступень философского учения о боге, за установление тесного союза философии и «истинной теологии» или, точнее, за единство логики, теологии и науки.

Подвергая критике мистическую сторону философии Гегеля, его идеалистические рассуждения об абсолюте, о чистой идее, о боге и т. п., основоположники марксизма вместе с тем отмечали крупные достоинства «Науки логики». Можно без преувеличения сказать, что по богатству содержания и охвату теоретических проблем это произведение действительно представляет собою одно из самых

²⁸ Гегель. Соч., т. V, стр. 28.

²⁹ Гегель. Соч., т. I, стр. 76.

замечательных явлений домарксовской философской мысли. Гегелевская «Наука логики» с ее диалектическими категориями сыграла выдающуюся роль в истории развития диалектического метода и в подготовке диалектического материализма в особенности.

Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно давали высокую оценку «Науке логики». Так, в письме к Энгельсу от 14 января 1858 г. Маркс писал: «Для метода обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал „Логикку“ Гегеля... Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то рациональное, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал»³⁰.

Энгельс также подчеркивал высокие достоинства «Науки логики» и при этом подробно разъяснял, как следует читать это произведение и какие в нем части и отдельные параграфы представляют крупное теоретическое и методологическое значение.

Наиболее характерны в этом отношении письма Энгельса к Ланге (28 марта 1865 г.) и Конраду Шмидту (1 ноября 1891 г.).

«...Вы не останавливайтесь чересчур долго на „Бытии“ и „Ничто“, — советовал он Шмидту, — последние параграфы „Качества“, затем „Количество“ и „Мера“ гораздо лучше. Но главная часть — это „Учение о сущности“: раскрытие абстрактных противоположностей во всей их несостоятельности, причем как только собираешься удержать лишь одну сторону, так она незаметно превращается в другую и т. д.»³¹ Конспектируя «Науку логики» и отмечая ее замечательные достоинства, Ленин писал: «Нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логикки Гегеля»³².

Каково же отношение ближайших современников Гегеля к «Науке логики»? Из материалов биографов и комментаторов Гегеля следует, что многими видными обще-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 212.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 176.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

ственными деятелями того времени «Наука логики» была встречена чрезвычайно сдержанно. Больше того, философ Якоби, например, сознавался, что он не в силах был одолеть «Науку логики», которую «только однажды раскрыл, а затем отложил навсегда в сторону». Показательно, что даже Гёте, поддерживавший дружеские отношения с Гегелем, не обнаружил желаний получить от него экземпляр «Науки логики». В гётевской библиотеке были только «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», «Феноменология духа» и второе издание «Энциклопедии философских наук».

Противники Гегеля, например профессор Фриз, теолог Шлейермахер, юрист Савиньи, историк Шлоссер и другие (не говоря уже о враждебных анонимах), как правило, пользовались любым поводом, в том числе и выходом в свет «Науки логики», для того, чтобы представить Гегеля в глазах публики как «высокомерного догматика», автора «чуждающей философии», «путаную голову» и т. п. Сами же они не оставили сколько-нибудь заметного следа в общественном движении Германии. Недаром Гегель так отозвался о «Системе логики» профессора Фриза: «Крайняя поверхностность лежащего в основе этой „Системы логики“ представления или мнения самого по себе, а равно и его разработки избавляет меня от труда в какой бы то ни было мере считаться с этим лишенным всякого значения произведением»³³.

Гегель жил не только интересами философии и педагогической практики. В ту пору продолжали разворачиваться крупные политические события, в центре которых стояла борьба антифранцузской коалиции, использовавшей широкое национальное движение против самодержавного господства Наполеона. До захолустного Нюрнберга долетали не только тревожные сообщения о военных неудачах Пруссии, Австрии и России, но и вести о закате и падении могущества Наполеона. Весть о поражении наполеоновской армии в России вдохнула свежие силы в немецкий народ, вызвала огромный патриотический подъем среди широких народных масс; Бородинскую битву многие обозреватели уже тогда рассматривали как крушение наполеоновского похода в Россию.

³³ Гегель. Соч., т. V, стр. 698.

Вскоре по французскому завоевателю последовали новые сокрушительные удары (Лейпцигское сражение и др.), завершившиеся отречением Наполеона в Фонтенбло и удалением его на остров Эльба. После непродолжительного вторичного господства Наполеона (ста дней) эпоха захватнических наполеоновских войн закончилась битвой при Ватерлоо, где Наполеон потерпел окончательное поражение.

Все эти события были, разумеется, известны Гегелю, и его чрезвычайно занимала судьба «необыкновенного гения» — Наполеона. Вскоре после отречения Наполеона Гегель писал Нитхаммеру: «Великие дела свершились вокруг нас. Чудовищная драма — видеть, как гибнет небывалый гений. Это самое *tragicotaton* [трагическое], что только бывает. Вся масса посредственности своей абсолютной свинцовой тяжестью давит тупо и неумолимо, пока все высокое не окажется на одном уровне с этой массой или ниже ее. И поворотный момент целого, причина могущества этой массы, в силу которой она, как хор, остается на сцене последней, на поверхности, в том, что великая индивидуальность сама должна предоставить ей право на это, обречь себя на гибель»³⁴.

Гегель считал, что само господство Наполеона обрекало себя на саморазрушение, на гибель. А когда результаты внешнеполитических событий стали более осязательными, он должен был признать, что деятельность этой «высшей силы», еще недавно «повелевающей и управляющей миром», содержала в себе безысходное противоречие: с одной стороны, Наполеон выступал как социальный реформатор, преобразователь феодальных отношений, а с другой — как поработитель, как завоеватель, прокладывающий путь к мировому военно-политическому господству буржуазной Франции. Посягая на «высшее благо» народов — на государственный и национальный суверенитет, Наполеон восстанавливал против себя все независимые и вассальные государства Европы, и следовательно, давал им право на разрушение своего дела и своей собственной индивидуальности, т. е. право на переворот в пользу «хора», или враждебного ему общественного мнения. «Весь этот поворот в событиях, — писал Гегель в том же письме, — я, между прочим, предсказал, чем могу гордиться,

³⁴ Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет, т. 2, стр. 343.

в моем сочинении, завершеном в ночь битвы при Иене».

И действительно, еще в Иене Гегель, анализируя внутреннее положение Германии, пришел к выводу, что в результате наполеоновских войн не только Германия, но и другие государства «попали под власть чужих законов и нравов» и утратили свое «высшее благо быть самостоятельными государствами». А эта утрата предвещала неизбежность гибели наполеоновского внешнеполитического режима.

Гегель хорошо понимал также, что вслед за устранением Наполеона баварская, да и вся германская реакция неизбежно поднимет голову и попытается отменить скромные либеральные преобразования наполеоновской эпохи. Известно, что в пору своего господства Наполеон кое-где лишил немецких князей их владений, установил в некоторых немецких землях буржуазное законодательство, суды присяжных и т. п., что способствовало преодолению многовековых сословно-феодальных порядков в Германии. Отвечая на сетования Нитхаммера по поводу усиления в Баварии влияния фанатической католической партии, Гегель писал 5 июля 1816 г.:

«Я считаю, что мировой дух командовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевающая и сметающая на своем пути. Бесчисленные легковооруженные отряды бьются где-то на флангах, выступая за и против, большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и только получает удары по голове как бы незримой дланью. И ничто не поможет им: ни пускание пыли в глаза, ни хитроумные выходы и выкрутасы. Можно достать до ремней на башмаках этого колосса, немного замарать их дегтем или грязью, но не развязать их, тем более стащить с него сандалии бога с подвижными... подошвами, или семимильные сапоги, которые тот наденет. И внутренне, и внешне самая безопасная роль — это, наверное, не упускать из виду идущего вперед; тогда можно даже стоять на месте и во утешение всей многотрудной и ревностной честной компании помогать мазать дегтем — чтобы удержать исполина — для забавы души своей даже способствовать такому серьезному занятию.

Реакцию, о которой все так много говорят теперь, я ожидал. Она настаивает на своих правах. „La verité

en la repoussant, on l'embrasse" („Отталкивая истину, мы обнимаем ее". — А. Д.) — это глубокомысленный девиз Якоби»³⁵.

Некоторые историки философии и комментаторы явно преувеличивают прогрессивность этого высказывания. Так, Куно Фишер заявлял, что оно является «пророческим», ибо в нем Гегель якобы сформулировал на ряд десятилетий своеобразный политический лозунг: «Массы, вперед!» Это не соответствует истине. Скорее всего Гегель выразил здесь горячее желание сохранить скромные результаты либерально-демократических преобразований, проведенных в Германии в годы владычества Наполеона; никаких иных, далеко идущих прогнозов в письме нет.

В конце первого десятилетия XIX в. Гегелю было около сорока лет, а в таком возрасте уже пора было думать всерьез не только о «мужественном отношении к истине», но и о своей личной жизни. И Гегель, после долгих размышлений о чистой, идеальной семейной жизни, решил, наконец, реализовать свои мечты. В сентябре 1811 г. он женился на двадцатилетней девушке из знатной дворянской семьи, Марии фон Тухер. До конца своей жизни философ питал к ней глубокую привязанность и любовь. В шутовском тоне он писал Нитхаммеру 10 октября 1811 г.: «...Я в целом, за исключением немногого, достиг своей земной цели, ибо служба и любимая жена — это все, что нужно на этом свете. Это две главные вещи, к которым можно стремиться ради собственной личности. Другие вещи уже не самостоятельные статьи, а, пожалуй, лишь параграфы или примечания»³⁶.

Первым ребенком от этого брака была дочь, которая вскоре умерла; в 1813 г. родился сын Карл, а в 1814 г. — Эммануил. Старший сын впоследствии стал профессором истории, а младший получил теологическое образование и был президентом консистории в провинции Бранденбург. У Гегеля был внебрачный сын Людвиг, по девичьей фамилии матери — Фишер, который родился в Иене. По желанию жены Гегеля он был взят в дом отца и воспитывался в течение пяти лет вместе с другими детьми. В 18-летнем возрасте Людвиг Фишер завербовался в солдаты, уехал в Индонезию, где и умер через шесть лет.

³⁵ Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет, т. 2, стр. 357—358.

³⁶ Там же, стр. 324—325.

Гейдельбергский и берлинский периоды

Еще живя в Иене, Гегель мечтал о самостоятельной кафедре в университете. Но долгие годы эта мечта не могла осуществиться. Успешная преподавательская и философская деятельность в Иене и в особенности творческая работа в Нюрнберге коренным образом изменили положение. С выходом в свет «Феноменологии духа», «Науки логики» и других сочинений о Гегеле заговорили как о крупном, выдающемся философе. В немецких философских и академических кругах имя Гегеля стали все чаще и чаще ставить рядом с такими признанными именами как Кант, Фихте, Шеллинг. Появились у Гегеля и восторженные почитатели и ученики: Р. Роте, Р. Шпейер, Тибо, Шварц, Гинрихс из Ольденбурга, Габлер, филолог Крейцер и К. Дауб, Ф. Карове, Б. Иксюль, В. Кузен — философ из Франции и др. Значительно расширился также круг знакомств и дружеских связей. Некоторые из его почитателей стали сравнивать философскую славу Гегеля со славой Бенедикта Спинозы.

Наиболее искренним и горячим приверженцем Гегеля был Карл Дауб, в течение двадцати лет читавший теологию в Гейдельбергском университете. В связи с отъездом профессора Фриза в Иену Дауб как проректор университета поставил перед баденским правительством вопрос о приглашении Гегеля на кафедру философии.

Незадолго до того, как Гегель принял приглашение баденского правительства, Дауб писал ему: «Если вы примете приглашение, то в вашем лице Гейдельберг впервые (Спиноза некогда был приглашен сюда, но отказался, как вы, вероятно, знаете) со времени основания университета приобретет философа. Философ приносит с собой усердие; кроме того, философ, называемый Гегелем, принесет с собой еще много другого, о чем большинство как здесь, так и везде до сих пор не имеет и понятия... Если я доживу до того, что вы вступите в Гейдельбергский университет, который я люблю, как свою pflege mutter (приемную мать.— А. Д.), и до конца буду любить, то в мою жизнь проникнет чистый и освещающий луч света»³⁷.

³⁷ Briefe von und an Hegel, I. S. 406—408.

В августе 1816 г. Гегель принял предложение баденского правительства и переехал в Гейдельберг. Здесь он со всей энергией взялся за преподавательскую работу и успешно продолжал ее до лета 1818 г., т. е. до переезда в Берлин.

К ранее читанным им философским дисциплинам — логике, истории философии, естественному и государственному праву — Гегель присоединил вновь переработанные лекции по антропологии и психологии, эстетике, энциклопедии философских наук, расширив, таким образом, прежний объем преподавания новыми философскими курсами. Преподавательская работа отнимала у него много времени. Гегелю приходилось читать по два-три курса в каждом семестре, затрачивая на это по 15 часов в неделю и даже больше. И когда близкие и друзья упрекали его, что он не бережет свое здоровье, неоправданно растрачивает свои силы и т. п., Гегель чаще всего отшучивался, говоря: «Я ведь начинающий профессор».

При такой большой педагогической нагрузке у Гегеля почти не оставалось свободного времени для литературной работы. Между тем, будучи редактором философского и других отделов журнала «Гейдельбергский ежегодник литературы» («*Heidelbergische Jahrbücher der Litteratur*»), он должен был откликаться на самые разнообразные вопросы современности и в то же время разрабатывать и популяризовать свое философское учение. В Гейдельберге он написал и опубликовал в журнале статью о Якоби; летом 1817 г. издал «Энциклопедию философских наук», которую позже (в 1827 и 1830 гг.) переиздавал с исправлениями; написал и опубликовал политическое сочинение об оценке появившихся в печати дебатов сословного собрания королевства Вюртемберг в 1806 и 1816 гг.

Последнее сочинение было откликом на сравнительно крупный исторический факт. Вюртембергский король Фридрих I в 1815 г. созвал совещание представителей цензовых сословий и предложил принять выработанную при его участии конституцию. По сравнению со старой вюртембергской конституцией она представляла известный прогресс. Так, например, устанавливались определенные возрастной и имущественный цензы для депутатов выборного органа. Депутаты получали право участия в законодательстве, утверждении налогов, подачи пети-

ций, жалоб и т. п. Словом, предложенная королем конституция, так или иначе отражала некоторые прогрессивные социально-экономические перемены, происшедшие за последние двадцать пять лет.

Однако сословное собрание отклонило эту конституцию и потребовало сохранения прежнего государственного порядка, т. е. старой, сословно-феодальной конституции с некоторыми несущественными изменениями. На этой почве возникли разногласия между королем и земскими чинами, причем обе стороны, вступив в затяжной спор, не хотели идти на уступки. Вскоре этот спор вышел за пределы созванного королем совещания и получил отражение в печати.

Старая вюртембергская конституция в прошлом уже была объектом критики Гегеля. Но теперь, когда сословные представители, завязав, по словам Гегеля, «неприличный спор» с королем, превозносили старую конституцию и когда в этот спор вмешался теолог Паулус, Гегель решил публично выразить свою точку зрения, дать критическую оценку поведению земских чинов. Гегель утверждал, что предложенная королем конституция кладет конец прежней «узаконенной анархии», разобщенности, прежнему агрегатному состоянию вюртембергского королевства³⁸. Он едко иронизировал по поводу поведения земских чинов, сравнивая его с поведением злополучного купца, который, окончательно разорившись из-за кораблекрушения, хотел все же вести прежний образ жизни.

Земские чины, заявлял Гегель, прошли мимо всех событий минувшей четверти века, не учли вразумительных уроков истории. «Трудно себе представить более страшные жернова для размалывания ложных понятий о праве, о предрассудке, о государственном строе, — писал Гегель, — чем суд, произведенный над нами последнею четвертью века; однако вюртембергские чины вышли из него такими же, какими были прежде». И теперь, когда на их стороне стоит Паулус, этот «бог земских чинов», остается так же маловероятным, что земским чинам удастся оживить мертвое. Король в данном случае выступал как представитель разума, разумного правопорядка, а земские чины — как сторонники старого, отжившего строя,

³⁸ К Вюртембергскому королевству согласно конституции 1815 г. были присоединены небольшие области, вроде графства Лимбург.

достойного осуждения. Гегель напомнил далее, что постоянная сословная палата, это детище древней вюртембергской конституции, справедливо заслужила всеобщее порицание, так как за сравнительно короткий срок — с 1771 по 1796 г. — она противозаконно истратила 4 238 000 гульденов.

Защищая конституцию 1815 г., Гегель вместе с тем возражал против некоторых принципиальных положений ее. Во-первых, он порицал конституцию за то, что она исключала вюртембергских чиновников и священников из числа лиц, избираемых в депутаты.

«История дает нам знание обстоятельств, — писал Гегель, — при которых то или другое постановление было разумным, и, например, в настоящем случае она приводит к убеждению, что исключение королевских чиновников из числа депутатов, прежде бывшее разумным, теперь, при других обстоятельствах, более не разумно»³⁹.

Во-вторых, Гегель считал принципиально неправильным брать за основу общественного представительства возрастную и имущественную цензу. По мнению Гегеля, установленные конституцией возрастная ценз — 25 лет — и имущественная ценз — 200 гульденов ежегодного дохода — не отвечают интересам целого, т. е. народа.

Чьи же претензии на активное и пассивное избирательное право Гегель признавал законными, отвечающими интересам целого? И как думал Гегель предостеречь общество от «случайных личностей», от тех, которые становятся депутатами только благодаря тому, что они достигли определенного возраста и обладают определенным количеством денег? На эти вопросы Гегель отвечал так. Право быть избранным в депутаты не должно базироваться на возрастных и имущественных цензах. Это право приобретает должностью, влиятельным положением в какой-либо корпорации, ловкостью в ремесле, мастерством в какой-либо области, талантом и т. п. У кого есть должность, утверждал Гегель, тот в глазах людей составляет *нечто*; если же у человека нет ничего, кроме необходимого возраста и определенного количества гульденов, то он в глазах мира сего не составляет ничего.

³⁹ «Heidelbergische Jahrbücher der Litteratur». 1817, № 66—68.

На основании подобных высказываний, казалось бы, можно было заключить, что Гегель явно недооценивал отношения собственности или что ему вообще чужда была идея собственности. Но это далеко не так. Высказываясь против имущественного ценза, установленного вюртембергской конституцией, Гегель вместе с тем горячо доказывал, что «свободная собственность» есть основное условие «блеска и процветания государства», что устойчивое существование любого общества возможно только на почве охраны и защиты частной собственности.

«Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребности,— писал Гегель позже в „Философии права“,— а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо есть как разум»⁴⁰. «Разум делает необходимым,— утверждал далее Гегель,— чтобы люди вступали между собою в договорные отношения — дарили, обменивали, торговали и т. п.— точно так же, как он делает необходимым, чтобы они обладали собственностью»⁴¹.

Именно эта точка зрения лежала в основе гегелевской критики конституции 1815 г. Гегель, выражая интересы прогрессивной буржуазии, возражал не против частной собственности вообще, а против формального «адвокатского» подхода к частной собственности, не учитывающего якобы ее абсолютного значения. По мнению Гегеля, сам человек как личность, как субъект, как носитель «свободной воли» может и должен посредством своей деятельности определять себя в качестве собственника орудий труда и в качестве собственника земли. «Лицо вкладывает свою волю в вещь,— вот в чем состоит понятие собственности,— утверждал Гегель,— и все дальнейшее есть именно его реализация. Мой внутренний акт воли, который говорит: нечто есть мое, должен быть распознаваем также и для других... Воля собственника, согласно которой вещь принадлежит ему, есть первая субстанциальная основа, и ее дальнейшее определение, употребление, есть лишь явление и особый способ видоизменения, не имеющий такого значения, как эта основа»⁴².

⁴⁰ Гегель. Соч., т. VII, стр. 69.

⁴¹ Там же, стр. 96.

⁴² Там же, стр. 77.

Маркс подверг решительной критике эти абстрактные, идеалистические «доводы». Опровергая рассуждения Гегеля о частной земельной собственности, он писал: «Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — есть, по Гегелю, не определенное общественное отношение, а отношение человека как личности к „природе“, абсолютное право человека на присвоение всех вещей... Ясно во всяком случае, что отдельная личность посредством одной только своей „воли“ не может утвердить себя как собственника вопреки чужой воле, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем добрая воля»⁴³.

Так в противоположность гегелевскому идеализму Маркс обосновал тот факт, что ни один человек, ни одна «личность» посредством одной лишь «доброй воли» не может определять и утверждать себя в качестве собственника земли, собственника орудий и средств производства. Люди становятся собственниками земли, собственниками средств производства, собственниками сокровищ и т. п. не по своей «доброй воле», не по «трудолюбию» и не по «положительному праву» человека, а вследствие определенных исторических условий, вследствие тех или иных изменений в способах производства и обмена, вследствие того или иного уровня развития общественного производства и культуры. Маркс убедительно показал также, что попытка возвести обычное буржуазное понятие частной собственности в некое «абсолютное право человека на присвоение всех вещей» неизбежно заводит диалектика Гегеля в тупик, в болото метафизики.

Этот абстрактный, идеалистический взгляд Гегеля на частную собственность вообще, разумеется, не мешал ему мирно уживаться с представителями как феодальной, так и буржуазной форм собственности. Живя в Гейдельберге, Гегель создал себе репутацию благонамеренного, лояльного деятеля науки. Показательна в этом отношении вступительная речь, произнесенная им в Гейдельбергском университете 28 октября 1816 г. В ней Гегель прямо, без всяких обиняков заявил, что времена социальных потрясений остались уже позади и что пришло время не разрушения, а изучения мира. Теперь к немецкому народу,

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 165.

говорил Гегель, стало ближе прусское государство, построенное на разуме. В лекциях по истории философии Гегель также всякий раз подчеркивал, что отныне «христианские государи» уже не только умиротворители Европы, но и горячие поборники принципа всеобщего блага. Со времени короля-философа Фридриха II, заявлял он, все последующие короли Германии были подлинными блюстителями национальной чести и национального духа, были приверженцами разумного государственного и общественного порядка.

Это умонастроение, которым характеризовалась работа Гегеля в Гейдельбергском университете, было благоприятно оценено правящими кругами Германии. Прусское министерство народного просвещения и вероисповеданий сочло, что в лице Гегеля оно нашло желательного кандидата на замещение берлинской кафедры философии. Вскоре в берлинских академических кругах пошла слухи о предстоящем переезде Гегеля в Берлин. Высказывались, правда, и скептические соображения, диктовавшиеся по преимуществу нерасположением и враждой к Гегелю отдельных лиц. Пристрастность всех этих толков и кривотолков вполне понятна, ведь речь шла о замещении кафедры философии в главном университете страны, кафедры, которая после смерти Фихте в течение четырех лет оставалась вакантной. Но было совершенно очевидно, что возросшее влияние гегелевского философского учения делало это назначение вполне реальным. Посылая приглашение Гегелю, буржуазный прогрессист барон Альтенштейн, возглавлявший прусское министерство народного просвещения и вероисповеданий, писал: «Министерство высоко ценит приобретение такого глубокого мыслителя и академического преподавателя, основательно вооруженного научными знаниями и воодушевленного серьезными и правильными стремлениями, и потому оно охотно будет содействовать всему, что необходимо для облегчения Вашего пребывания здесь. В настоящее время оно хочет лишь по возможности скорее видеть осуществление желания многих лиц, уже давно ожидавших замещения кафедры философии»⁴⁴.

Гегель охотно принял это приглашение. Ему были предложены хорошие материальные условия. Сестра барона

⁴⁴ *Karl Rosenkranz. G. W. F. Hegel's Leben, S. 318.*

Альтенштейна позаботилась о подыскании и найме квартиры⁴⁵. Гегель высоко оценил проявленные министром благожелательство и заботу и обещал ему работать в полном соответствии с требованиями правительства и запросами эпохи.

Переезд Гегеля в Берлин совпал с периодом окончания наполеоновских войн, ломки феодальной структуры и роста буржуазных общественных отношений в стране.

Под влиянием борьбы с Наполеоном за независимость страны среди немецкой молодежи в двадцатые годы XIX в. возрос дух патриотизма и политического свободомыслия. Патриотические устремления немецкой молодежи сочетались с требованиями политических и конституционных реформ. Это прогрессивное умонастроение стало приобретать и некоторые организационные формы. Так, в Иене в 1815 г. возникла первая студенческая корпорация — Буршеншафт. Вскоре и в других германских университетах стали возникать аналогичные корпорации, а с 1818 г. это движение организационно оформилось под названием «Всеобщего германского буршества», главной целью которого была борьба за единство и могущество Германии.

Буршество не было ярко выраженным демократическим движением и поэтому в течение некоторого времени оно не выходило за рамки конституционно-монархического режима. Но мало-помалу горячие речи, прославлявшие немецкую свободу, прусский национальный дух и т. п., стали тревожить и раздражать правящие верхи Германии, и в особенности главу германского союзного сейма — князя Меттерниха. 18 октября 1817 г. в Вартбурге студенческие корпорации организовали праздник буршей. Были произнесены патриотические речи, а затем сожжено несколько реакционных книг, среди них — сочинения начальника департамента прусской полиции фон Камптца, немецкого драматурга Августа Коцебу и др.

В годы наполеоновских войн Коцебу служил в русской армии; в 1817 г. он вышел в отставку и поселился в Мангейме, где издавал журнал «Литературный еженедельник» («Litterarisches Wochenblatt»). И в журнале, и в своих сочинениях Коцебу остро высмеивал

⁴⁵ Гегель сперва поселился на Лейпцигской улице, затем некоторое время жил у Шпрее, против сада Монбизу; третья и последняя квартира философа находилась на Купферграбине в доме № 1.

патриотические устремления немецкой молодежи, чем возбудил против себя недовольство и даже ненависть. Это привело к тому, что 23 марта 1819 г. член германского буршества иенский студент Занд кинжалом заколол Коцебу.

Террористический акт послужил сигналом для открытой борьбы германских реакционных кругов против «демагогов», как называли тогда членов «Всеобщего германского буршества» и всех тех, кто примыкал к либерально-демократическому движению. Под диктовку князя Меттерниха составлены были карлсбадские постановления союзного германского сейма. Политический аспект их был таков: запрещение «Всеобщего германского буршества»; закрытие спортивных обществ; организация политического надзора за студентами и преподавателями; учреждение строжайшей цензуры; создание центральной комиссии по расследованию «демагогических происков» и др. Словом, германские университеты, как говорили тогда, переживали «сентябрьские дни». Для преследования «демагогов» назначены были особые лица из прусского чиновничества, которые должны были систематически вести надзор за преподаванием, за поведением студентов и преподавателей и обо всем доносить в министерство внутренних дел. Особенно горячо взялся за это фон Камитц.

Именно в этот период — период широко организованного наступления прусской реакции на либерально-демократические элементы — Гегель возглавил кафедру философии в Берлинском университете. Из биографических и других материалов видно, что Гегель как преподаватель философии и как общественный деятель не внушал прусскому правительству политических опасений. Между тем многие профессора и преподаватели подвергались политическим преследованиям и даже изгонялись из университетов. В близости к «демагогам» подозревались даже такие преподаватели, как ортодоксальный теолог Шлейермахер, профессор истории и философии, автор «Духа времени» Арндт, исследователь ветхозаветной теологии де Ветте и др.

Политическое доверие, которым пользовался Гегель, было не случайным. Своей философской и преподавательской деятельностью еще задолго до переезда в Берлин он зарекомендовал себя как приверженец прусского монархического режима. Для многих не было секретом и то

обстоятельство, что Гегель не питал симпатии к германскому буршеству, что при всех разногласиях по поводу тех или иных антилиберальных правительственных мероприятий он всегда оставался на стороне правительства. Можно сказать, что своей преподавательской и философской деятельностью Гегель вполне оправдывал лестную характеристику, данную ему бароном Альтенштейном и представленную королю Фридриху Вильгельму III: «Принимая предложение, он (Гегель.— А. Д.) оставляет очень выгодное место в Гейдельберге исключительно из любви к прусскому государству и его научным стремлениям».

22 октября 1818 г. Гегель произнес вступительную речь в Берлинском университете. Общий смысл ее может быть выражен так: прусскому государству, построенному на разуме, должна соответствовать истинная, разумная философская система, которая не только пробудит глубокий интерес к философии, но и станет прочной основой культурного прогресса и национального могущества Германии.

В Берлинском университете Гегель вел ряд теоретических курсов. Он читал здесь энциклопедию философских наук, логику и метафизику, антропологию и психологию, эстетику, историю философии, философию права, философию природы, философию всемирной истории, философию религии. Кроме того, в течение 1823—1827 гг. параллельно лекциям Гегеля его ученик Леопольд фон Геннинг проводил семинары по изучению гегелевской философской системы. В этот период Гегель уделял большое внимание преподаванию. Что же касается литературной философской работы, то она не имела большого размаха. За тринадцать лет, прожитых в Берлине, Гегель выпустил в свет только одну новую книгу «Основные черты философии права и государственной науки в сжатом очерке» в 1821 г. (во втором немецком издании она вышла под кратким названием «Философия права»), если не считать примерно десятка статей и рецензий на различные темы и переизданий «Энциклопедии философских наук».

Гегель, будучи умеренным буржуазным философом, сочетал в своих трудах, и в том числе в «Философии права», консервативные принципы с прогрессивными идеями, особенно в разделе «Гражданское общество», где он раскрывает социальные, сословные, классовые противоречия. Гегель отмечает, что в «гражданском обществе»

концентрируется на одном полюсе богатство, а на другом — бедность. В обществе, пишет Гегель, происходит концентрация чрезмерных богатств в немногих руках и рост роскоши ведет к бесконечному росту «зависимости и бедственности»⁴⁶. Для преодоления этих противоречий Гегель как буржуазный идеолог не видел другого выхода, кроме выезда нуждающихся в колонии или предоставления им возможности открыто заниматься нищенством.

Противоречивость социально-политического учения Гегеля глубоко раскрывает Ф. Энгельс, который пишет: «У Гегеля этика, или учение о нравственности, есть философия права и охватывает: 1) абстрактное право, 2) мораль, 3) нравственность, к которой, в свою очередь, относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична здесь форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно включает в себе всю область права, экономики и политики»⁴⁷.

Наличие в философии Гегеля прогрессивных черт, связанных со сферой социально-политических отношений, не случайно вызвало к нему враждебное отношение со стороны многих академиков Прусской академии наук, которые весьма активно препятствовали избранию Гегеля в состав действительных членов академии, несмотря на его огромный научный авторитет.

В «Философии права» Гегель уделяет большое внимание исследованию природы буржуазных правоотношений. Он более глубоко раскрывает эту проблему, чем Кант, Фихте и другие его предшественники. Право, по Гегелю, не есть ограничение произвола одного произволом другого на основании закона свободы, как полагали Кант и Фихте, напротив, оно есть реальное, «наличное бытие самой свободы». «...Система права,— писал Гегель,— есть царство реализованной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»⁴⁸. Кроме того, он особо подчеркивал святость и духовность права. «Право есть нечто святое вообще, святое только потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы»⁴⁹.

⁴⁶ Гегель. Соч., т. VII, стр. 254.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 295.

⁴⁸ Гегель. Соч., т. VII, стр. 31.

⁴⁹ Там же, стр. 54.

Осуществление гражданского и уголовного права, по Гегелю, предполагает отсутствие того или иного посягательства на достоинство человеческой личности. Право не должно служить, по его мнению, орудием устрашения или орудием мести. Человек, совершивший то или иное преступление, должен ожидать наказующей справедливости как акта разумной, всеобщей воли. Мало того, по Гегелю, сам преступник должен требовать себе справедливого наказания. В гегелевском аспекте абстрактного права несомненно выступала антифеодалная тенденция, направленная против индивидуального произвола и насилия. Прогрессивная сторона «Философии права», однако, в большей степени, чем в «Феноменологии духа», в «Науке логики» и в других сочинениях оказалась задавленной непомерно разросшимся консерватизмом системы.

В «Философии права» Гегель рассматривал государство как высший нравственный организм, как «осуществление свободы не согласно субъективному капризу, а согласно понятию воли, т. е. согласно ее всеобщности и божественности»⁵⁰. При этом он отводил весьма почетную роль в прусском государстве высшему чиновничеству. По словам Гегеля, высшие государственные чиновники «могут помимо сословий делать наилучшее», так как они обладают более обширным и более разумным пониманием всеобщих потребностей государства. В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс с явным нерасположением заметил по этому поводу: «Гегель доходит здесь почти до раболепства. Видно, как он насквозь заражен жалким высокомерием прусского чиновничества»⁵¹.

В «Философии права» Гегель защищал старую, феодального происхождения систему наследования — майорат; доказывал правомерность дворянства и необходимость «независимой» частной собственности; высказывался за ограничение сферы деятельности женщины семейным очагом, за признание религии основой государства и т. п.

Правда, все это не мешало ему требовать некоторой модернизации надстроечных областей (судопроизводства, просвещения, религии и др.) в духе буржуазного развития. Короче говоря, Гегель хотел в современной ему

⁵⁰ Там же, стр. 270—271.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 365.

Германии, ставшей на путь буржуазного развития, сохранить, сблизить и примирить между собой феодальные и буржуазные институты. Обличая гегелевский консерватизм в работе «К критике гегелевской философии права», Маркс писал: «Гегель хочет средневековой сословной системы, но в современном значении законодательной власти, и он хочет современной законодательной власти, включенной, однако, в средневековую сословную систему! Это,— многозначительно подчеркивал Маркс,— синкретизм наихудшего сорта»⁵².

Академическая деятельность Гегеля достигла в Берлине полного расцвета, а его философская система, благодаря широкому интересу к гегелевской философии и благожелательному отношению к нему прусского министерства просвещения, превратилась в некую общеобязательную доктрину. Из воспоминаний и мемуаров Раумера, Варнгагена фон Энзе, Альтенштейна и из других источников видно, что философская система Гегеля занимала исключительное место в университетском образовании Германии. В мемуарах Альтенштейна говорится, что глубокая и основательная гегелевская философская система положила конец самоуверенному, нездоровому движению. Варнгаген фон Энзе на основании своих многолетних наблюдений свидетельствовал: Альтенштейн покровительствовал гегелевской философии не из пустого тщеславия или какого-то низкопоклонства, но из глубокого убеждения в ее ценности и в ее преимуществах.

В 30—40-х годах прошлого века Гегель и его философская система действительно стали предметом всеобщего внимания, центром притяжения всех культурных сил Германии и других европейских стран. К Гегелю тянулась немецкая молодежь, тянулись люди, придерживавшиеся самых различных политических и религиозных убеждений. К числу наиболее выдающихся учеников и почитателей Гегеля относились: протестантский теолог Ф. Мартейнке, автор «Системы католицизма» и других богословских сочинений; Э. Ганс, впоследствии профессор римского права; Г. Гото, первый издатель гегелевских «Лекций по эстетике»; К. Розенкранц, биограф Гегеля, и историк философии; Ватке, исследователь библии; Г. Ретшер, историк древней философии; Д. Штраус, автор

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 330.

книги «Жизнь Иисуса, критически обработанная» и других сочинений; Б. Бауэр, развивавший радикальные взгляды на евангельскую историю; Л. Фейербах, который, перед тем как примкнуть к лагерю материалистов, разделял философские взгляды Гегеля.

Среди других почитателей и друзей Гегеля горячим приверженцем его глубоких энциклопедических знаний был Гёте. Их многолетние отношения овеяны ореолом взаимного уважения и глубокой признательности. Лучшим свидетельством этого является их переписка, а также высказывания Гёте в письмах к различным корреспондентам. Например, 10 марта 1821 г. в письме к И. Шульце Гёте писал: «Я не в праве промолчать о доставленной мне на днях радости. Я получил письмо от профессора Гегеля, оказавшего мне большую помощь. Этот замечательный, глубоко мыслящий человек так хорошо проник в мою теорию о цветах, а также и в сущность этой проблемы, что моя работа лишь теперь стала для меня самого ясной... Очень приятно найти среди современников подобную серьезную поддержку, ибо в таком случае можно с некоторой надеждой апеллировать к потомству»⁵³.

Со своей стороны, и Гегель высказывал глубокое уважение и почтение к Гёте. Так, в одном из писем к Гёте (от 24 апреля 1825 г.), в котором он рекомендовал ему французского философа В. Кузена, Гегель писал: «Когда я озираю ход своего духовного развития, то я вижу, как вы повсюду переплелись с ним, и я могу назвать себя одним из ваших сыновей; мой дух получил от вас способность сопротивляться стремлению к абстрактному и на своем поприще руководился вашими образами, как маяками»⁵⁴.

Несмотря на отдельные расхождения и противоречия в философских воззрениях Гегеля и Гёте, их духовное развитие имело много общего, родственного. Их тесно сближали и Шиллер, и Шеллинг, и Гумбольдт, и Байрон, и глубокая вера в неограниченные познавательные способности человеческого разума. Однако в берлинский пе-

⁵³ «Briefwechsel zwischen Goethe und Staatsrat Schulze (Переписка между Гёте и государственным советником Шульце), 1853, S. 228.

⁵⁴ Goethe-Jahrbuch, 1895, S. 68.

И. ГЕТЕ (1749—1832)

риод жизни у Гегеля были не только искренние друзья и почитатели, но и противники. Здесь следует в первую очередь назвать теолога и философа Ф. Шлейермахера, юриста Ф. Савиньи и других, которые, прибегая при этом к неблагоприятным приемам, постоянно противодействовали приему Гегеля в число членов королевской Прусской академии наук; А. Бека, который всегда плел паутину интриг против Гегеля; профессора Фриза, никогда не простившего Гегелю справедливые критические замечания на его крайне поверхностную «Систему логики»; философа-эмпирика Э. Бенеке, теоретического противника Гегеля, который после издания своей книги «Основы физики нравов» был отстранен от преподавания в Берлинском университете.

К числу противников Гегеля следует отнести также капеллана церкви св. Ядвиги в Берлине, подвизавшегося в роли доносчика и обвинявшего Гегеля в антихристианском характере его учения; искусствоведа К. Шубарта

и его сообщника Карганико, публично обвинивших Гегеля в нарушении христианских догматов о бессмертии души. Но Гегель, пользовавшийся неизменным покровительством сверху, разумеется, не мог стать жертвой всех этих обвинений и интриг.

Последние годы жизни

По свидетельству современников, в последние годы жизни Гегель весьма отрицательно относился ко всем общественно-политическим переменам. Холодно и даже враждебно встретил он такие крупные внешнеполитические события, как избирательная реформа в Англии и Июльская революция во Франции. За ходом июльских революционных событий Гегель следил с огорчением. Это хорошо видно из воспоминаний его сына Карла; из материалов к биографии Гегеля, собранных К. Розенкранцем и И. Эрдманом, и из других источников. Отмечая политический консерватизм Гегеля в отношении к Июльской революции, его сын Карл писал: «Отец мой, бывший всегда усердным читателем газет, часто за завтраком излагал нам свои соображения о текущей политике... В Июльской революции он с ужасом увидел катастрофу, грозившую расшатать основы разумного государства, но, в отличие от Нибура, он не думал, что она приведет нас к деспотизму и варварству»⁵⁵.

И. Эрдман, прослышавший «последним могиканом гегельянства», смягчая эти непосредственные и искренние признания сына Гегеля, Карла, все же должен был отметить, что в течение некоторого времени Гегель рассматривал Июльскую революцию как нежелательное явление. «Июльская революция не настолько поразила его, — писал он, — чтобы он стал вместе с Нибуром думать о гибели всякой культуры. Но она огорчила его, пока он, подобно многим другим, не начал видеть в ней перемену не системы, а только династии». Философ-гегельянец К. Мишле еще определеннее подчеркивал, что Гегель никогда не одобрял Июльской революции. Ученый и государственный деятель В. Гумбольдт, более того, считал, что Гегель вообще отрицательно относился к свободе.

⁵⁵ Цит. по кн.: *Куно Фишер. Гегель, его жизнь, сочинения и учение.* М., 1933, стр. 589.

Гораздо непосредственнее выявил Гегель свое отношение к английскому биллю об избирательной реформе. Принятию билля, как известно, предшествовала острая политическая борьба между консервативной и либеральной партиями, т. е. между тори и вигами. Гегель, внимательно следивший за ходом этой борьбы, не проявлял ни малейших колебаний, он решительно стоял на позициях крайнего торизма, т. е. на стороне Веллингтона, Пеля и других наиболее решительных противников новой избирательной реформы.

В опубликованной в 1831 г. в «Прусской государственной газете» статье «Английский билль о реформах» чрезвычайно четко отразились консервативные политические взгляды философа. Гегель резко осудил прогрессивный для той эпохи английский билль об избирательной реформе. Он назвал первый параграф билля «раной в сердце английской конституции». Идя вразрез с исторической правдой, Гегель утверждал, что отнятие избирательных прав у отдельных мелких графств («гнилых местечек») и предоставление избирательных прав таким большим промышленным городам, как Бирмингем и Манчестер, повлечет за собой ослабление «реальных интересов» английской нации и в конце концов приведет к тому, что в Англии станут выше цениться «люди принципиальные», чем «люди государственные», и, следовательно, абстрактное мышление приобретет такое большое влияние, что при некотором стечении обстоятельств сможет стать помехой для действительного упрочения разумных принципов жизни.

Опираясь такими реакционными соображениями, Гегель писал, что противоположность между «людьми государственными» и «людьми принципиальными», резко выступившая во Франции в самом начале революции и еще не обнаружившаяся в Англии, может явиться на сцену вследствие открытия широкого пути в парламент. Новый класс может легко приобрести влияние, так как принципы как таковые просты, а поэтому они легко схватываются даже невежественными людьми и при некоторой подвижности таланта (так как они ввиду их всеобщности имеют претензию охватывать все), а также при некоторой энергии характера и честолюбия служат удобным средством для всеразрушающего красноречия и ослепляют разум такой же неопытной толпы. Наоборот, знание,

опыт и деловая рутина государственных людей усваиваются не так легко, между тем они одинаково необходимы для применения в действительной жизни разумных принципов.

Под флагом защиты «реальных интересов» английской нации и английского государства Гегель высказывал большие опасения в отношении прогрессивных последствий избирательной реформы, говоря, что она вряд ли может принести практическую пользу в отношении действительных зол, например взимания десятины, прав помещиков, права охоты и т. п., и что, напротив, реальные интересы в конце концов будут обойдены или ослаблены. Гегель не только стремился обесценить в глазах читателей прогрессивное значение английского билля, но и пытался предсказать нечто потрясающее, «роковое». Он заявлял, что разгоревшаяся политическая борьба между тори и вигами, при отсутствии сильного и надежного посредника между ними (так как английская корона, по его мнению, слишком слаба для этой цели), может закончиться вмешательством «другой силы», т. е. народа, и «тогда вместо реформы произойдет революция»⁵⁶.

Политическое умонастроение Гегеля получило некоторое отражение в свидетельствах А. Руге. Правда, Руге меньше всего имел моральное право упрекать и осуждать Гегеля за его политический консерватизм, так как, разойдясь с Марксом, сам перешел от мелкобуржуазного демократизма к бисмаркианству, к пруссачеству. Но эволюция Руге в данном случае не может служить препятствием для использования приводимых им свидетельств.

Однажды Гегель был в гостях у кронпринца, рассказывал Руге, во время обеда зашел разговор о лекциях ученика Гегеля Э. Ганса. Кронпринц, возмущаясь либеральным направлением лекций Ганса, говорил Гегелю:

— Это настоящий скандал! Профессор Ганс делает нам всех студентов республиканцами. Его лекции по вашей философии права всегда посещаются сотнями студентов, и всем известно, что Ганс придает вашему изложению совершенно либеральную и даже республиканскую окраску. Почему вы сами не читаете этого курса?

Выслушав кронпринца, Гегель ответил, что он-де не знает содержания лекций Ганса. Но видя, что этот ответ

⁵⁶ Allgemeine preussische Staatszeitung, 1831, N 115—118.

не может быть принят во внимание, он стал заверять кронпринца, что положит конец гансовскому своеволию и уже в следующем семестре будет сам читать курс философии права. Между тем студенты гораздо охотнее посещали «либеральные» лекции Ганса, нежели лекции автора «Философии права».

О Гегеле как о философе и общественном деятеле сохранились и довольно неприязненные свидетельства, принадлежавшие его противникам, делавшим упор на эволюцию общественно-политических взглядов философа. Зерно истины, конечно, было и в этих выпадах (см.: Henke Jacob Friedrich Fries. 1867, S 224).

Достаточно только сопоставить республиканско-демократические идеи Гегеля студенческих лет с его социально-политическими воззрениями последних лет жизни, и мы увидим существенные изменения. Если в ранние годы гегелевский идеализм стремился к союзу с либерально-прогрессивной Германией, то в последний период жизни в связи с изменением исторической обстановки (реставрация Бурбонов во Франции, Июльская революция и др.) Гегель почти всегда стоял за примирение с прусским государственным режимом, за союз с консервативной Германией. Спрашивается, как объяснять такую смену политических взглядов философа?

Гегель как сторонник социального прогресса, как выразитель классовых интересов поднимающейся немецкой буржуазии, ее, по словам Гёте, «духовный вождь», не мог не сочувствовать революционным идеям Франции. После того, как освободительные войны антифранцузской коалиции завершились падением Наполеона и Франция вступила в период вторичного правления династии Бурбонов, в Германии были проведены некоторые, правда незначительные, буржуазно-либеральные реформы. В этот период Гегель не без основания мог рассчитывать на «благорасположение прусского государства», полагая, что именно оно, встав на путь классового компромисса между феодальной аристократией и буржуазией, приведет в конце концов немецкое общество к установлению в нем прочного буржуазного режима. Такова, на наш взгляд, подоплека гегелевского политического консерватизма.

В последние годы жизни Гегель работал очень много. Нередко до глубокой ночи засиживался он за подготовкой третьего издания «Энциклопедии философских наук»,

стремясь сделать форму изложения «более ясной и определенной», за составлением подробных конспектов академических лекций, за редактированием статей, помещаемых в «Ежегоднике научной критики». А в 1829/30 учебном году, когда Гегель был избран ректором Берлинского университета, к его многочисленным заботам и хлопотам присоединились сложные административные обязанности.

Хотя Гегель как преподаватель, как лектор не был, по описаниям учеников, выдающимся оратором, его лекции всегда были результатом работы необыкновенного, могучего ума, они всегда будили в слушателях не только веру в могущество разума, но и настоятельную потребность в мужественном искании истины. О Гегеле как о преподавателе и лекторе сохранилось немало рассказов. Самое лучшее описание принадлежит Генриху Густаву Гото.

Обрисовывая внешний и внутренний духовный облик своего учителя, Гото писал: «... Рано состарившаяся фигура Гегеля была сторблена, однако сохраняла первоначальную стойкость и силу; удобный серо-желтый халат небрежно спадал с его плеч до земли по его худощавому телу; в нем не было никаких внешних следов ни импонирующего величия, ни притягательного добродушия... Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня его лицом. Все черты его, точно угасшие, имели вялый и поблекший вид; в них не было видно никакой разрушительной страсти, но зато отражалась вся прошлая молчаливая работа мышления, продолжавшаяся дено и ношно... Когда спустя несколько дней я вновь увидел его на кафедре, я не мог сначала разобраться ни в ходе его мыслей, ни во внешней стороне его лекции. Вяло и угрюмо сидел он с опущенной головой, сосредоточившись в себе, перелистывал свои большие тетради и, продолжая говорить, все время рылся в записках, смотря в них то вверх, то вниз, то вперед, то назад. Постоянное покашливание нарушало течение речи, всякая фраза являлась отдельно, высказывалась с напряжением, отрывочно и беспорядочно... В самом начале он уже запинался, потом опять повторял фразу, останавливался, говорил и думал; казалось, ему никогда не удастся найти подходящего слова, но вот вдруг он с уверенностью произносил его; оно оказывалось простым и тем не менее было неподражаемо подходящим, неупотребительным и в то же время един-

ственно правильным... Медленно и обдуманно подвигаясь вперед сквозь мнимо незначительные посредствующие звенья, Гегель ограничивал до односторонности какую-либо полную мысль, различал в ней несколько сторон и приходил к противоречиям, победоносное разрешение которых должно было мощно воссоединить наименее согласуемое... В эти минуты голос его повышался, взор сверкал над аудиторией и светился в разгорающемся пламени убеждения, захватывая глубочайшие тайники души, и никогда в таких случаях он не испытывал недостатка в выражениях»⁵⁷.

Из этого большого яркого отрывка можно сделать вывод, что слушать лекции Гегеля было довольно трудно. Но эти трудности, по свидетельству того же Гото и других учеников, сторицею окупались, когда слушатели причались под внешне беспорядочной формой изложения находить у Гегеля глубокие теоретические обобщения и выводы. Л. Фейербах много лет спустя после идейного расхождения с учителем отмечал, напротив, доходчивый и выразительный характер лекций Гегеля. «В своем изложении,— писал он в заметках, относящихся к 1840 г.,— Гегель считался с уровнем понимания своих слушателей; впрочем,— и это самое ценное в его лекциях,— даже когда он развивает вопрос, понятие, идею не в ней самой, не только в ее особенных элементах, он всегда придерживается все-таки существа вопроса, не гонится бог знает куда за каким-нибудь подходящим образом... Так что у чего имеешь в понятии наглядное представление и в наглядном представлении понятие». Фейербах подчеркивал и другой весьма важный момент из преподавательской практики Гегеля. «Гегель был единственный человек, давший мне понять и почувствовать, что такое учитель... единственный, кто показал мне внутреннее значение отношения ученика к учителю»⁵⁸.

В частной жизни Гегель был простым и приветливым. Это был общительный человек, писал об отце Карл Гегель; он охотно оставлял в стороне философию, когда искал отдыха от напряженного мышления; у него часто иг-

⁵⁷ Цит. по кн.: *Куно Фишер. Гегель, его жизнь, сочинения и учение*, полутом 1, стр. 217—219.

⁵⁸ Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass von Karl Grün (Людвиг Фейербах в своей переписке и в литературном наследии Карла Грюна), Bd. I, 1874. S. 181, 327.

рали по вечерам в вист. Гегель устраивал вечера в своем доме и сам часто посещал дома знакомых и друзей.

Яркую картину частной жизни Гегеля нарисовали его ученики — Ганс и Гото. В их зарисовках Гегель выступает перед нами веселым, обходительным, жизнерадостным человеком. «В личном обхождении и в обществе, — писал Ганс, — наука отступала у Гегеля на задний план; она предназначалась для лекций и для кабинета. Кто видел его радостным и шутящим в веселом кругу, занятым мелкими человеческими интересами, тот вряд ли мог бы догадаться на основании его простого обращения о великих делах и судьбах, увековечивших это имя в мире мысли»⁵⁹. Гегель «не отказывался ни от каких увеселительных прогулок, — писал Гото, — наоборот, всякого рода развлечения становились для него чем далее, тем более настоятельной потребностью. Всегда готовый поболтать, он старался скорее уклониться, чем завязать научный разговор, хотя он никогда не избегал его прямо»⁶⁰.

Из всех развлечений самыми лучшими и самыми полезными для отдыха Гегель считал путешествия. В течение берлинского периода жизни он совершил ряд поездок. Самая увлекательная из них — в Вену — была предпринята в 1824 г. Здесь Гегель с восхищением слушал итальянскую оперу. «У меня настолько уже испорчен вкус, — делился он с женой своими впечатлениями, — что „Фигаро“ Россини доставляет бесконечно большее удовольствие, чем „Nozze“ Моцарта, да и певцы в „Фигаро“ играли и пели бесконечно более *con amore* [страстно]. Все это так великолепно, захватывающе, что просто не хочется уезжать из Вены»⁶¹. Спустя три года Гегель побывал в Париже. Он осмотрел исторические места, окрестности Парижа, посетил театр, Луврскую картинную галерею, присутствовал на заседании Академии наук, беседовал с выдающимися французскими учеными.

Весьма приятные впечатления приносили Гегелю встречи с Гёте. В последний раз Гегель посетил его в Веймаре в октябре 1827 г. Эта встреча была исключительно теплой и сердечной. Гёте с большим интересом расспрашивал о политических и литературных течениях во Франции, об их общих знакомых и друзьях.

⁵⁹ *Hegel. Vernischte Schriften*, II, 1835, S. 250.

⁶⁰ *Hotho. Vorstudien für Leben und Kunst*. 1838, S. 396.

⁶¹ *Гегель. Работы разных лет*, т. 2, стр. 459.

«Мне пришлось много рассказать Гёте о политических и литературных делах и направлениях во Франции,— писал он жене,— и это его интересовало прежде всего. Он очень крепок, здоров, старый, но все еще молодой, всегда тихий, и у него такая почтенная, добрая, благородная голова, что, смотря на него, забываешь, что перед тобой — гениальный муж с неукротимой энергией своего таланта»⁶².

Летом 1831 г. в Германии свирепствовала эпидемия холеры. Вследствие городской скученности и примитивных мер борьбы эпидемия распространилась и по Берлину. Желая оградить свою семью от холеры, Гегель отправил жену и детей на дачу в Крейцберг; вскоре и сам переехал туда. С наступлением осени эпидемия заметно ослабела, и Гегель решил перевезти семью в Берлин. В начале ноября 1831 г., когда университетская жизнь снова стала входить в свою колею, он объявил, что в течение очередного зимнего семестра будет читать два курса — философию права и философию истории.

Чувствуя себя вполне здоровым, Гегель приступил к чтению объявленных курсов. Но 13 ноября перед обедом он почувствовал сильные боли в желудке, затем началась рвота, судороги, и к утру Гегель скончался.

16 ноября 1831 г. состоялись похороны. По желанию Гегеля он был похоронен рядом с могилой Иоганна Готлиба Фихте. В актовом зале Берлинского университета и у могилы Гегеля были произнесены прощальные речи. Много искренней скорби, уважения и любви было в этих траурных речах.

Неожиданная кончина Гегеля вызвала многочисленные отклики и выражение соболезнования его друзей, почитателей и учеников. Вот что писал, например, Гёте в письме Варнгагену фон Энзе от 5 января 1832 г.: «К несчастью, я должен начать это свое письмо с глубокого сожаления по поводу потери глубоко талантливой, крупного духовного вождя, прекрасно образованного и разносторонне деятельного человека и друга. Основная сущность его теории лежала вне поля моего зрения, но там, где его деятельность соприкасалась с моей или пересекалась с моими стремлениями, я всегда извлекал из этого подлинную духовную пользу».

⁶² Гегель. Работы разных лет, т. 2, стр. 510.